

Роль государства в обеспечении социальной мобильности населения

Научный руководитель – Васильев Владимир Петрович

Киселева Яна Ильинична

Выпускник (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра социологии государственного управления, Москва, Россия

E-mail: zdaaarovaa@gmail.com

Социальная мобильность в современном обществе выступает не только показателем его открытости, но и важнейшим условием устойчивого развития, социальной стабильности и эффективной реализации человеческого потенциала[1]. В условиях глобализации и цифровизации в России проблема функционирования «социальных лифтов» и преодоления неравенства приобретает особую значимость. Государство, располагая необходимыми институциональными механизмами, выступает главным агентом, способным как стимулировать, так и ограничивать возможности перемещения индивидов и групп в социальном пространстве.

Теоретическая традиция изучения социальной мобильности восходит к трудам П.А. Сорокина, который не только ввёл в научный оборот сам термин, но и предложил фундаментальную классификацию типов перемещений, выделив горизонтальную и вертикальную мобильность, а также описал основные каналы ее циркуляции [4]. Развитие проблематики продолжили западные исследователи: П. Блау и О. Дункан, разработавшие модель статусных достижений и показавшие роль образования как опосредующего звена между происхождением и итоговым положением индивида; С. Липсет и Р. Бендикс, анализировавшие связь мобильности с классовой структурой и политической стабильностью; французский социолог П. Бурдьё, раскрывший значение различных форм капитала в воспроизводстве социального неравенства. В отечественной науке существенный вклад в разработку темы внесли О.И. Шкаратан, исследовавший межпоколенные аспекты мобильности, М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова, изучавшие структуру среднего класса, Ж.Т. Тощенко, обратившийся к проблемам прекаризации и её влияния на социальные перемещения.

Анализ социально-экономических и территориальных факторов мобильности позволил выявить несколько ключевых закономерностей. Образование сохраняет роль главного канала восходящей мобильности, однако, как справедливо отмечал П. Бурдьё, формальные показатели (качество образования, престиж учебного заведения) дифференцируют шансы выходцев из разных социальных слоёв даже при равных возможностях[2].

Согласно результатам опроса ВЦИОМ от 2023 года, тройку лидеров среди каналов восходящей мобильности, признаваемых россиянами в качестве реально функционирующих, составляют спорт (88 %), сфера науки и образования (84 %) и военная служба (83%). Высокие позиции данных институтов обусловлены не только их укоренённостью в культурно-историческом контексте, но и присущей им прозрачностью и понятностью механизмов продвижения[6]. Примечательно, что жители Москвы и Санкт-Петербурга оценивают доступность социальных лифтов существенно ниже, чем население в целом. Вероятным объяснением выступает более высокая конкуренция, характерная для столичных городов, где на каждую привлекательную позицию претендует больше соискателей, а требования к уровню подготовки повышаются.

Территориальный фактор социальной мобильности проявляется в концентрации ресурсов: лучшие ВУЗы, высокооплачиваемые рабочие места находятся преимущественно

в Москве и Санкт-Петербурге, что делает эти города главными центрами притяжения мигрантов, готовых к переезду ради более высокого дохода и карьерных перспектив.

Структура занятости также претерпевает существенные изменения: переход сопровождается поляризацией рынка труда и ростом precarious занятости, которая характеризуется нестабильностью, отсутствием социальных гарантий и ограничивает доступ к ресурсам, необходимым для карьерного развития[5].

В связи с этим особого внимания заслуживает анализ эволюции государственных инструментов регулирования мобильности в постсоветский период. Трансформация 1990-х годов сопровождалась массовым обесценением человеческого капитала, накопленного в советское время: около 40% работников были вынуждены сменить профессию, что привело к росту безработицы и усилению социальной дифференциации[5]. В ответ на это государство сформировало институциональную базу регулирования трудовых отношений, завершив этот процесс принятием Трудового кодекса Российской Федерации в 2001 году. Также немаловажным направлением государственной политики стало развитие адресной социальной помощи, что создает предпосылки для восходящей мобильности наиболее уязвимых слоёв населения.

Таким образом, на современном этапе российское государство помогает равномерно конструировать социальную структуру. Оно, обеспечивая каналы мобильности, поддерживает общую динамическую устойчивость социальной системы, предотвращая маргинализацию и способствуя приумножению человеческого капитала, ведущего к развитию и росту социальной мобильности.

Источники и литература

- 1) Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории Гэри С. Беккер; пер. с англ. под науч. ред. Р. И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
- 2) Бурдьё П., Пассрон Ж.-К.: Воспроизводство: элементы теории системы образования. — М., 2007. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий.
- 3) Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: 1996. Глава 11, с. 265-286, Глава 12, С. 287-312
- 4) Сорокин П. А. Социальная мобильность: монография (пер. с англ. М. В. Соколовой). — Москва: Academia, 2005. — 588 с
- 5) Тоценко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тоценко. — Москва : Наука, 2018. — 350 с.
- 6) Социальные лифты в России: вам наверх? [Электронный ресурс]: аналитический обзор / ВЦИОМ. — Москва, 2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analytical-heskii-obzor/socialnye-lifty-v-rossii-vam-naverkh> (дата обращения: 29.01.2026).